

Книгоиздательство „Зарница“.

М. Энгельгардтъ.

Задачи момента.

Цѣна 10 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Книжный магазинъ „Трудъ“. Невскій, 60.
МОСКВА. Книжный магазинъ „Трудъ“. Тверская, 38.

Книгоиздательство „Зарница“.

М. Энгельгардтъ.

Задачи момента.

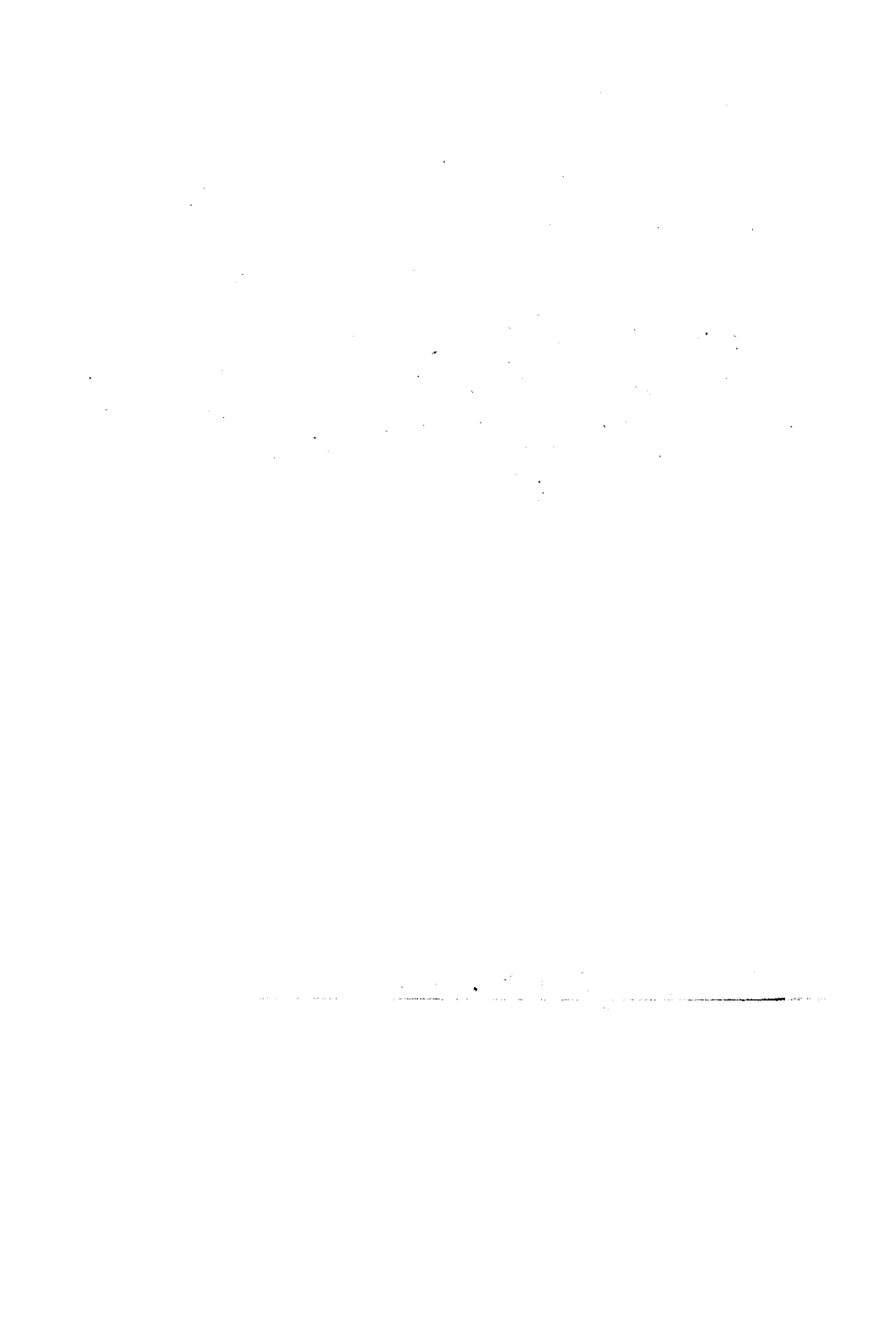
Цена 10 коп.

С К Л А Д Ъ И З Д А Н І Й .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Книжный магазинъ „Трудъ“, Невскій, 60.
МОСКВА. Книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, 38.

1906

Задачи
момента.

Задачи момента. *)

Великая революція нашего времени—въ какой бы странѣ она ни произошла, отсталой или передовой — можетъ быть только социалистической революціей, попыткой основанія новаго, социалистическаго общества на мѣсто стараго, капиталистическаго.

Это потому, что идея революціи нашего времени есть идея социалистическая; другой идеи у современной революціи не можетъ быть, и если она отвергнетъ эту идею, то обезсилитъ самое себя и не достигнетъ серьезныхъ результатовъ ни въ какомъ отношеніи. Такая кастрированная революція можетъ привести развѣ что къ реформамъ, не важнымъ тѣхъ, какими завершилась напр. прусская революція 1848—49 гг., или даже можетъ закончиться возстановленіемъ стараго режима, какъ австрійская революція 1848—1850 гг.

Я приведу здѣсь слова Лассалля, обращенныя въ свое время къ нѣмецкимъ „кадетамъ“,—къ германской либеральной буржуазіи:

„Какъ она удивляется, эта мелко-плавающая шушера, что монархія и старая, привыкшая къ господству аристократіи не хотятъ склониться передъ нею!

„И, обращаясь къ другой сторонѣ, какъ она удивляется, что ради нея не разверзается пропасть и не поглощаетъ ея

*) Было напечатано въ „Журналѣ для всѣхъ“ 1906 годъ.

противниковъ! Съ какимъ смущеніемъ озирается она на французскія національныя собранія конца прошлаго столѣтія и не можетъ понять, почему возможное для тѣхъ собраний оказывается невозможнымъ для этихъ?

„Но поймите же, милостивые государи! Французскія національныя собранія конца прошлаго столѣтія соединяли въ себѣ весь геній и весь умъ Франціи; не было въ тогдашней Франціи ни одной единственной мысли, которая заходила бы дальше цѣлей, поставленныхъ себѣ этими собраніями! Во всей литературѣ и философіи этого періода нельзя указать хоть одну мысль, которая не заставляла бы биться пульсъ этихъ собраний, которую они не пытались бы осуществить! Они стояли, такимъ образомъ, на высшемъ теоретическомъ уровнѣ своего времени, на вершинѣ его просвѣщенія!

„Такъ сдѣлались они живымъ воплощеніемъ духа своего времени и своей страны, — отсюда и могущество, которымъ они въ ней располагали, и увлекающее одушевленіе, которымъ они ее наполняли!“ *)

Великая революція пытается осуществить все, что выработано критической мыслью человѣчества къ моменту ея наступленія. Такъ было въ великую французскую революцію, когда мысль работала въ политической области, такъ было въ великую англійскую революцію XVII вѣка, когда мысль работала въ церковной и политической области, такъ было и въ эпоху германской реформации, когда мысль работала въ религіозной области и еще не выдвинула опредѣленныхъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ. Ни одна изъ этихъ революцій не повторяла задовъ, каждая стояла на „теоретической высотѣ своего времени“, каждая пыталась рѣшить вопросы, разработанные и поставленные на очередь всѣмъ предыдущимъ развитіемъ.

*) F. Lassale's Politische Reden und Schriften. Изд. Блюма т. III, стр. 229—230.

Вопросъ, разработанный и поставленный на очередь нашимъ временемъ, — социальный вопросъ. Теоретически онъ рѣшенъ; основы новаго общества ясны, планъ его организации въ существенныхъ чертахъ намѣченъ столѣтней работой мысли культурнаго человѣчества. Въ работахъ социалистовъ-утопистовъ первой половины прошлаго столѣтія указана только суть новаго общества, но еще не выработаны реальныя формы, въ которыя эта суть должна воплотиться. Но въ трудахъ Маркса, Лассалья и ихъ послѣдователей уже въ значительной мѣрѣ разработана и эта сторона вопроса, такъ что новое общество уже не является для насъ утопіей, грезой, миражемъ; всегда и въ прежнія времена манившимъ человѣчество (Бабефъ въ великую революцію, „уравнители“ англійской революціи, анабаптисты реформаціонной эпохи, первыя христіанскія и буддійскія общины), — оно приняло почти реальныя формы. Это уже не мечта поэта, а зрѣлый плодъ критической мысли человѣчества. Надъ социальнымъ вопросомъ работалъ и рѣшилъ его XIX вѣкъ, какъ надъ вопросомъ политическимъ работалъ и рѣшилъ его XVIII вѣкъ. И потому революція нашего времени, которая откажется отъ рѣшенія социального вопроса, т. е. отъ замѣны стараго, капиталистическаго общества новымъ, социалистическимъ, — будетъ не великой, а ничтожной революціей, которая не только въ социальномъ, но и въ политическомъ отношеніи никакихъ серьезныхъ результатовъ не достигнетъ.

Идея русской революціи еще не вполне формулировалась. Напомнимъ, что и въ великую французскую революцію отъ взятія Бастиліи до національнаго конвента прошло 4 года и дѣятели учредительнаго собранія, Мирабо, Сійесъ и проч., еще ни думали, ни гадали о „конституціи 1793 года“. И въ великую англійскую революцію отъ бѣгства Карла I изъ Лондона до провозглашенія республики прошло десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ даже такіе люди, какъ Кромвель, не подозрѣвали, что вскорѣ они сдѣлаются республиканцами.

Но если, даже по мнѣнію такой вполне двусмысленной партіи, какъ наши конституціоналисты-демократы, мы переживаемъ „дѣйствительно великую революцію—великую по неимовѣрной силѣ взрыва страстей, великую по глубинѣ своихъ мотивовъ и неизмѣримости своихъ послѣдствій—революцію, которая можетъ найти себѣ аналогію только въ грандіозныхъ народныхъ движеніяхъ середины XVII вѣка въ Англіи и конца XVIII вѣка во Франціи, и по сравненію съ которой революціи 1830 и 1848 годовъ были ребяческой забавой“ *), — то, конечно, ея идея опредѣлится, какъ социалистическая.

Но теперь, въ началѣ революціоннаго процесса, даже крайнія наши партіи, естественно, еще не въ состояніи оцѣнить все значеніе совершающихся передъ ними явленій и, пока что, представляютъ себѣ нашу революцію какъ „буржуазную“ (с.-д.), или допускаютъ возможность половинчатого преобразованія: социалистическаго — въ земледѣльческой, буржуазнаго — въ промышленной области. Мы не сомнѣваемся, однако, что это лишь временная нерѣшительность и что, когда характеръ нашей революціи выяснится окончательно, — попытка организаціи новаго, социалистическаго общества будетъ сдѣлана.

* * *

Мы говоримъ: если русская революція есть великая революція, то она не можетъ не привести къ социальному перевороту.

Но чѣмъ же отличается „великая“ революція отъ „малой“?

Очевидно, дѣло не въ количественной только разницѣ, не въ числѣ убитыхъ и раненыхъ, повѣшенныхъ и разстрѣлянныхъ, не въ количествѣ пролитой крови... Всякій чувствуетъ, что между французской революціей конца XVIII вѣ-

*) С. Гранжъ. Одностороннее самопознаніе, *Полярная Звѣзда*, № 2, с. 130.

ка и революціями 1830 или 1848 года есть глубокая *качественная* разни́ца. Но выраженія „великая“ или „малая“ слишкомъ неопредѣленны: они указываютъ лишь на количественную разни́цу, на разни́цу въ размѣрахъ, которая сама обусловлена качественной разни́цей, — разни́цей въ смыслѣ и содержаніи революціи.

Стремленіе великой революціи, то, что составляетъ ея суть и обезпечиваетъ ей успѣхъ, — есть стремленіе къ новой жизни, къ осуществленію правды на землѣ. Оно возникаетъ, когда фраза „такъ больше жить нельзя“ становится уже не фразой, а выраженіемъ неодолимой потребности. Народъ не хочетъ и не можетъ больше мириться съ прежнимъ существованіемъ, полнымъ жестокости, обмана и угнетенія; это существованіе стало для него нестерпимымъ, онъ ставитъ надъ нимъ крестъ и принимается водворять новыя отношенія справедливости, правды, всеобщаго благосостоянія, ниспровергая и уничтожая все, что препятствуетъ достиженію этой цѣли. Не реформы, не конституція, н республика, не восьмичасовой рабочій день, не осуществленіе той или другой партійной программы являются цѣлью этого стремленія, а уничтоженіе стараго и водвореніе новаго порядка, — совершенно новаго, въ которомъ не останется и тѣни прежнихъ несправедливостей. Такова цѣль всякой великой революціи, въ наивной формѣ выраженная англійскимъ революціоннымъ парламентомъ 1653 года (такъ наз. бэрбонскій парламентъ): „Вѣруемъ, что Господь, по своей неизреченной милости, не оставитъ своего народа, что мы въ его рукѣ сдѣлаемся орудіемъ для сокрушенія всякаго утѣснительнаго ига, всякаго бремени, тяготѣющаго надъ народомъ; что польется благодать надъ бѣдными и неимущими, исчезнетъ вражда, и мечъ замѣнится плугомъ, и волкъ будетъ пастись съ ягненкомъ; что вся земля исполнится славы Божіей, подобно тому, какъ пучины морскія наполнены водою“ *).

*) Гизо. Исторія англ. революціи. Т. III, с. 88.

Но эта общая цѣль воплощается въ опредѣленные формы общественныхъ отношеній, тѣ именно, которыя въ данный историческій моментъ разработаны теоретической мыслью человѣчества.

Великая французская революція искала осуществленія правды на землѣ въ организаціи новаго политическаго общества, основанаго на гражданскомъ равенствѣ, и политической свободѣ, крайнимъ выраженіемъ котораго явилась конституція 1793 года,—республиканская, съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ и референдумомъ. Тогдашнимъ людямъ казалось — напрасно казалось, какъ обнаружилось, впоследствии, но они-то этого не знали! — что въ новомъ политическомъ обществѣ дѣйствительно осуществляется свобода, равенство и братство.

Идеей великой англійской революціи была организація общества по типу первоначальной церкви; казалось, что она принесетъ правду и счастье на землю.

Идея реформаціоннаго движенія XVI вѣка была чисто религіозная: не затрагивая политическихъ и социальныхъ отношеній, водворить на мѣсто католической истинную церковь; все остальное, казалось тогдашнимъ людямъ, приложится...

Ни одна изъ этихъ революцій не дала счастья человѣчеству, но каждая изъ нихъ пыталась осуществить все, что было разработано тогдашней мыслью; мало того, когда обнаруживалось, что эти попытки не привели къ желанной цѣли, то дѣлались попытки осуществленія и тѣхъ смутныхъ представленій, которыя еще не приняли опредѣленныхъ формъ (политическія и социальныя стремленія рыцарей и крестьянъ въ германскихъ возстаніяхъ XVI в., социалистическія грезы левеллеровъ, анабаптистовъ, бабувистовъ).

Это стремленіе народа покончить съ гнуснымъ старымъ существованіемъ и водворить новую жизнь, стремленіе, ставшее neodолимымъ импульсомъ, надъ которымъ уже самъ народъ не властенъ,—приводить къ тому, что во время ве-

ликой революціи смѣна программъ, въ смыслѣ перехода отъ умѣренныхъ къ крайнимъ, происходитъ съ поразительной быстротою, и такъ называемыя „передовыя“ партіи одна за другой остаются за флагомъ, а дѣйствительно передовыя вскорѣ убѣждаются, что жизнь превзошла ихъ самыя смѣлыя надежды, и что имъ незачѣмъ добровольно ошпыливать и обмѣщанивать свои программы.

Тамъ было въ эпохи прошлыхъ великихъ революцій,— то же мы видимъ и у насъ. Конечно, либеральные французы въ 1789 г. не подозрѣвали, какъ скоро они окажутся измѣнниками дѣлу революціи, и конечно, наши прогрессисты разныхъ оттѣнковъ, отъ славянофильствующей братіи Шиповыхъ и Стаховичей до „конституціоналистовъ-демократовъ“, еще годъ назадъ не подозрѣвали, какъ скоро они окажутся въ хвостѣ революціи, чтобъ не сказать въ лагерѣ реакціи. И, наоборотъ, въ 1789 г. будущимъ монтаньярамъ, безъ сомнѣнія, и во снѣ не снилась ихъ дѣятельность 1793 года [напомнимъ, что Марать въ 1789 г. увѣрялъ будто „особа короля должна быть священной“, К. Демуленъ былъ монархистомъ*), etc.], такъ же какъ и у насъ будущимъ организаторомъ новаго общества кажется теперь осуществимой лишь „программа минимумъ“ или развѣ что „соціализація земли“.

Этотъ процессъ имѣетъ роковой, фатальный характеръ. Отпечатокъ фатальности характеризуетъ именно великія революціи. Наша не составляетъ исключенія: сравните начало прошлаго и начало нынѣшняго года и скажите, какъ все это случилось? Кто тутъ дѣйствовалъ? Мы знаемъ, какія силы работали въ теченіе, скажемъ, предыдущаго десятилѣтія: либеральные земцы вели свою линію, террористы свою, проагандировали крайнія партіи, и т. д. Но кто совершилъ переворотъ 1905 года?

Въ томъ-то и дѣло, что ходъ великой революціи опре-

*) О л а р ѣ. Политическая исторія французской революціи, с. 62 и сл.

дѣляется народной волей, переходящей изъ потенциальнаго скрытаго состоянія въ активное и требующей разрушенія стараго и организациі новаго общества. И бессознательно подчиняясь этой волѣ, политическіе дѣятели непрерывно расширяютъ программу преобразованій—а тѣ, кто вздумаетъ упираться, неизбежно и моментально отбрасываются, какъ мякина на вѣялкѣ—пока не исчерпаютъ всего, что выработано къ данному моменту мыслью человѣчества.

Точно ли, однако, переживаемая нами революція есть великая революція—революція того же типа, какъ французская конца XVIII столѣтія или англійская XVII вѣка? Конечно это не математическая проблема, которую можно рѣшить математически, внѣ споровъ. Субъективный элементъ въ оцѣнкѣ переживаемыхъ нами событій неизбеженъ. Я вижу всѣ признаки великой революціи,—другой найдетъ ихъ недостаточно ясными и доказательными.

Во всякомъ случаѣ, попытаюсь перечислить ихъ въ самой сжатой формѣ. Это, во-первыхъ, *глубина и широта захвата*: весь народъ сверху до низу охваченъ революціоннымъ процессомъ. Поднялись рабочіе, поднялось крестьянство, въ арміи революціоннымъ броженіемъ охвачены едва ли не весь флотъ и часть сухопутнаго войска, въ Москвѣ революціонныя дружины бьются съ войсками, а населеніе, при участіи дворниковъ, лавочниковъ и т. п. строить баррикады. Почтово-телеграфные и желѣзно-дорожные чиновники устраиваютъ забастовки и оказываются однимъ изъ активнѣйшихъ революціонныхъ элементовъ,—вѣдь, если бы годъ назадъ человѣкъ во снѣ увидѣлъ что-нибудь подобное, его заперли бы въ сумашедшій домъ, рѣшивъ, что нормальный человѣкъ такихъ вещей и во снѣ не увидитъ; а теперь мы видимъ ихъ наяву, оставаясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти! Недовольство и „мятежный духъ“ проникаютъ даже въ такую среду, какъ дворники монастырскіе послушники, духовенство, городовые, и наконецъ, казаки, отъ которыхъ можно бы ждать всего, только не этого.

Поразительно быстрый ростъ революціоннаго настроенія почти „молніеносное“ распространеніе революціонныхъ идей. Что представляли изъ себя, въ смыслѣ революціоннаго сознанія, хотя бы петербургскіе рабочіе полтора года назадъ и что представляютъ они теперь?.

Кто ихъ „распропагандировалъ“? Но тотъ же процессъ, почти съ тою же быстротою, совершается и въ крестьянствѣ: чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить первые крестьянскіе „приговоры“ съ „приговорами“ конца 1905 года, или первую (февраль—августъ) волну аграрнаго движенія, почти нигдѣ не имѣвшую рѣзко выраженного характера „Земли и воли“, со второй (октябрь—декабрь), уже совершенно недвусмысленной въ этомъ отношеніи *).

Въ теченіе года народъ, въ лицѣ рабочихъ, крестьянъ, матросовъ, настолько опередилъ либеральную интеллигенцію и такъ недавно еще будировавшіе и прищипливавшіе къ лацкану сюртука красную гвоздичку общественные слои, группирующіеся подъ знаменемъ пирога,—что эти слои уже растеряли свой либерализмъ и либо откровенно жмутся къ правительству, либо напрягаютъ всѣ свои способности, чтобы не допустить революціи.

Но быстрое, производящее впечатлѣніе чего-то чудеснаго, перерожденіе народа, проясненіе народнаго сознанія, характеризуетъ именно великую революцію, моментъ перехода народной воли изъ потенциальнаго, скрытаго въ активное состояніе, моментъ, когда люди, которые раньше пахали землю, добывали руду, дѣлали сапоги, начинаютъ „дѣлать исторію“. Уже не личности и не партіи, а народъ, какъ нація, выступаетъ на историческую сцену: онъ не хочетъ терпѣть стараго и хочетъ осуществить новое,—это желаніе, превращаясь въ активное рѣшеніе, открываетъ ему глаза.

Роковой характеръ процесса, о которомъ упоминалось

*) Ср. статьи „Нужды деревни“ въ „Журналѣ для всѣхъ“, № 12. 1905 г., № 1. 1906 г.

выше. „Какъ могло это случиться?“ спрашиваетъ себя всякій. Какъ это вышло, что „цвѣтъ“ нашей передовой интеллигенціи, либеральные земцы, архи-либеральные „освобожденцы“ такъ быстро очутились на задворкахъ освободительнаго движенія? Какъ это случилось, что мы, готовые еще года два назадъ удовлетвориться хоть самой паршивенькой конституціей на прусскій манеръ, теперь отвергаемъ, какъ буржуазную, половинчатую и антинародную,—программу думскаго большинства, которую не такъ давно еще называли бы „утопичной“ для Россіи? Какъ, вообще, могло случиться все, что случилось? — вѣдь такихъ успѣховъ революціи самый вѣрующій революціонеръ годъ тому назадъ не только не ожидалъ,—онъ о нихъ и не грезилъ!

„Россія помѣшалась!“ объявляетъ князь Мещерскій. „Россія съ ума сошла!“ соглашается графъ Витте. „Безуміе революціи!“ подхватываетъ г. Струве. На эти наивныя заявленія можно бы отвѣтить словами Полонія: „Однако, это безуміе систематическое“. Этотъ процессъ обнаруженія народной воли совершается въ опредѣленномъ направленіи. Въ немъ своя логика—логика неумолимая, логика повыше и посильнѣе вашей коротенькой логики. Вотъ уже всѣ куцья программы отвергнуты, и даже программы крайнихъ партій оказываются узкими: самимъ соціалъ-демократамъ пришлось расширять свою „программу-минимумъ“, чтобы поспѣть за требованіемъ массъ.

Обратитесь къ исторіи великихъ революцій,—вы найдете тамъ тотъ же фатальный, роковой, неумолимый характеръ революціоннаго процесса, развивающагося до исчерпанія всѣхъ программъ, какія могла въ то время предложить теоретическая мысль. Ограниченные люди и тогда пищали о безуміи; люди вѣрующіе—въ XVI и XVII вв.,—чувствуя, что ими двигаетъ не своя личная воля, даже не воля партіи, а какая-то воля высшаго порядка, совершенно искренно считали себя вдохновленными Богомъ.

Бываютъ такіе моменты въ исторіи народовъ—рѣдко,

въ нѣсколько столѣтій разъ, но бываютъ! На ограниченныхъ политическихъ лавочниковъ они производятъ впечатлѣнiе безумiя, такъ какъ въ эти моменты невозможно рассчитывать, исходя изъ „дѣйствительнаго соотношенiя силъ“, какъ въ историческiе будни. Въ историческiе будни очень мало людей, которые „дѣлають исторiю“, и очень много такихъ, которые дѣлають сапоги, пахутъ землю, читають лекцiи,—людей, поглощенныхъ каждый „своимъ дѣломъ“. Дѣйствующiя силы такъ незначительны, что ихъ сравнительно не трудно учесть и на этомъ учетѣ основать расчетъ.

Но всѣ эти учеты и расчеты падаютъ въ тѣ рѣдкiе моменты, когда въ дѣло вступаютъ подспудныя, дотолѣ скрытыя, потенциальныя силы; въ тѣ рѣдкiе моменты, когда не остается людей, которые дѣлають сапоги, а на лицо только люди, которые „дѣлають исторiю“, когда сверчки соскакиваютъ съ своихъ шестковъ и превращаются въ людей, обыватели вылѣзають изъ-за печки и превращаются въ гражданъ, когда день становится равнымъ году, а годъ равнымъ столѣтiю. Это и есть то невѣдомое, чего никакой политическiй бухгалтеръ не усчитаетъ, никакой политическiй аптекарь не взвѣситъ, никакой политическiй химикъ не анализируетъ, — и это есть то, что опредѣляетъ ходъ великой революцiи.

Всякiй внимательный наблюдатель согласится, я думаю, что переживаемый нами процессъ — именно этого типа. Давно ли мы, опредѣляя силы революцiи, считали: либеральная интеллигенцiя, земцы, часть буржуазiи (московская дума, напр., какой передовой казалась!), значительная часть рабочихъ, быть можетъ, горсточка крестьянъ; а опредѣляя силы реакцiи: правительство, чиновничество, черная сотня, армiя, крестьянская масса... А теперь? Теперь силы революцiи: крестьянская масса, пролетарiатъ, значительная часть армiи...; а силы реакцiи: правительство, земцы, буржуазiя и безсознательно льнущая къ нимъ либеральная интеллиген-

ція. Вотъ какъ измѣнились „дѣйствительныя соотношенія силъ“ въ самое короткое время.

Революціонный энтузіазмъ—кто не чувствовалъ его вѣнія въ дни грандіозныхъ демонстрацій и митинговъ, когда городъ точно перерождался, возвышался и очищался морально? И многіе революціонные акты—въ родѣ, напр., севастопольскаго возстанія—явили намъ образчики этого энтузіазма, коренящагося уже не въ личныхъ свойствахъ того или другого дѣятеля, а въ настроеніи народныхъ массъ. Не помню, кто замѣтилъ, что великая французская революція, революція атеистическая, съ культомъ Разума, имѣла, тѣмъ не менѣе, характеръ религіозной революціи, такъ какъ ея политическіе, республиканскіе „символы вѣры“ исповѣдывались со всей пламенной вѣрой пуританъ или гугенотовъ. Это и есть отличительная черта великихъ революцій. Онѣ всегда—религіозныя революціи. Онѣ борются за правду, а не за хлѣбъ. Ихъ мечъ—не мечъ раба, возстающаго противъ господъ, а „мечъ Бога и Гедсона“, какъ выражались „круглоголовые“ Кромвеля.

Этотъ религіозный пылъ, этотъ энтузіазмъ, уже такъ часто проявлявшійся въ нашей революціи, можетъ быть, даже невыгоденъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, потому что мѣшаетъ расчету, практическимъ соображеніямъ... Кажется, онъ повредилъ севастопольцамъ. Но въ общемъ ходѣ революціи—на него вся надежда! Мы, болѣе или менѣе благополучно пріютившіеся въ верхнихъ этажахъ общества, мы, раздѣленные мудрствованіемъ и скептицизмомъ, не представляемъ себѣ всей силы народнаго энтузіазма. Мы быстро зажигаемся и быстро угасаемъ, но въ народныхъ массахъ энтузіазмъ разгорается медленно, зато ужъ и горитъ долго, огнемъ неугасимымъ. Когда верхи французскаго общества уже давно остыли, раскисли и мечтали только о водвореніи „порядка“ во что бы то ни стало,—энтузіазмъ народныхъ массъ еще пылалъ: Наполеонъ I воспользовался имъ, чтобы революціонизировать Европу и основать во Франціи свою

диктатуру. Когда англійская буржуазія уже вопила „довольно“, народъ заявилъ „теперь только начинается“,—и здѣсь Кромвель опять сумѣлъ использовать народный энтузіазмъ на свой ладъ. Безъ сомнѣнія, и тотъ энтузіазмъ, который, повидимому, начинаетъ разгораться въ русскомъ народѣ, можетъ быть, съ теченіемъ времени, когда колесо революціи совершитъ свой полный кругъ, будетъ использованъ какимъ-нибудь диктаторомъ—если, конечно, таковой окажется на лицо, такъ какъ Кромвели и Наполеоны не являются по первому требованію,—но только въ случаѣ неудачи революціи, въ случаѣ разочарованія. Если, однако, наша революція приведетъ къ рѣшенію соціального вопроса, то разочарованія не послѣдуетъ, такъ какъ соціалистическая организация общества будетъ осуществленіемъ *дѣйствительной* свободы, равенства и братства. Но не будемъ забѣгать впередъ. Во всякомъ случаѣ, тѣ проявленія энтузіазма, которыми уже такъ богата русская революція, сближаютъ ее именно съ великими революціями прошлыхъ вѣковъ.

Наконецъ, обратите вниманіе на требованія волнующагося народа. Въ крестьянскихъ приговорахъ вы ждете, согласно ходячему представленію о „мужичкѣ“, только требованія земли: но „уравненіе въ правахъ“, избавленіе отъ полицейской и административной опеки, требованіе свободы, равенства, гражданскаго полноправія занимаютъ въ нихъ не менѣе видное мѣсто, а нѣкоторыми приговорами выдвигаются на первый планъ. Крайне характерно фигурирующее во всѣхъ почти заявленіяхъ забастовщиковъ—рабочихъ, приказчиковъ, служащихъ всякаго рода, солдатъ—требованіе „вѣжливаго обращенія“, „человѣческаго обращенія“, „обращенія на вы“ и т. п. Словомъ, всюду сказывается не желаніе чечевичной похлебки, а требованіе первородства, стремленіе къ новому существованію, достойному человѣка.

Всѣ эти признаки—глубина и широта захвата; неоодолимый и неукротимый ростъ революціоннаго движенія; молниеносная быстрота распространенія революціоннаго сознанія,

благодаря которой въ самое короткое время уже совершился громадный внутренній переворотъ, хотя и не добившійся еще своего внѣшняго выраженія; роковой, фатальный характеръ процесса, развивающійся съ неумолимой и неодолимой логикой въ опредѣленномъ направленіи, проявленія энтузіазма, который можно назвать религиознымъ; явно пробивающееся стремленіе къ новой, совершенно новой, основанной на правдѣ и справедливости, жизни,—все это признаки объективные, не созданные моимъ воображеніемъ; и все это признаки начала *великой революціи*, отличительная особенность которой, какъ свидѣтельствуемъ исторія прошлыхъ великихъ революцій, въ томъ, что она стоитъ на теоретической высотѣ своего времени, исчерпываетъ всѣ „программы-максимумъ“, осуществляетъ или; по крайней мѣрѣ, пытается осуществить все; что теоретическая мысль человѣчества выработала въ данный историческій моментъ.

Читатель, быть можетъ, найдетъ, что я переоцѣниваю значеніе этихъ признаковъ; но если онъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ русской революціи и знакомъ съ исторіей великихъ западныхъ революцій,—то онъ долженъ будетъ признать, что я высказываю свое мнѣніе, во всякомъ случаѣ, не безъ серьезнаго основанія. Онъ долженъ будетъ признать, что предположеніе, будто революціонный процессъ, уже ознаменовавшій себя такими проявленіями, можетъ внезапно закончиться, угаснуть и прокиснуть безъ дальнѣйшихъ послѣдствій—является болѣе фантастическимъ и химерическимъ, чѣмъ увѣренность въ его дальнѣйшемъ развитіи вплоть до попытки осуществленія новаго, социалистическаго общества.

Сомнѣніе въ томъ, что перечисленные выше признаки великой революціи дѣйствительно знаменуютъ наступленіе великой революціи,—равносильно сомнѣнію въ русскомъ народѣ: народъ это въ западно-европейскомъ смыслѣ или рабье племя, неспособное къ творчеству?

Самостоятельно русскій народъ еще не выступалъ,—онъ

выступает только теперь; но весьма естественно, что, въ виду его прошлого, мы вспоминаемъ слова Герберштейна: „этотъ народъ предпочитаетъ рабство свободѣ“, и сомнѣваемся: а вдругъ, не смотря на всѣ признаки, это не великая революція, а только фальшивая тревога... Русскій чеповѣкъ—овца; правда, и овцы иногда бѣсятся, да что же можетъ выйти изъ овечьего бѣшенства?

Но кто считаетъ русскій народъ способнымъ къ творчеству, кто признаетъ, что въ Россіи дѣйствительно совершается великая революція, революція того же типа, какъ французская XVIII вѣка или англійская XVII вѣка, а въ то же время утверждаетъ, что наша революція будетъ „буржуазной“, что она отстанетъ на 100 лѣтъ отъ теоретической работы культурнаго человѣчества, ограничится осуществленіемъ того, что мысль человѣческая выработала уже полтора вѣка тому назадъ, словомъ, окажется безмѣрно ниже своего времени,—тотъ впадаетъ въ глубочайшее противорѣчіе съ самимъ собой. Утверждать такой абсурдъ можно, только не вдумавшись въ смыслъ великихъ революцій, которыя, какъ бы ни различались онѣ по своему содержанію (въ соотвѣтствіи съ историческимъ моментомъ), всѣ сходятся въ одномъ; каждая пытается осуществить на практикѣ все, что мысль человѣчества выработала въ теоріи.

* * *

Какъ же совершится социальная революція, или—чтобы не предрѣшать вопроса о ея успѣхѣ или неуспѣхѣ—кто возьметъ на себя опытъ осуществленія социальной революціи? Я не сомнѣваюсь, что импульсъ къ ней явится изъ среды самого народа, а отнюдь не какихъ-либо партій. Русская революція уже вступила на этотъ путь: дѣйствуетъ и заявляетъ требованія народъ; а партіи, даже самыя крайнія, только повинуются его требованіямъ и формулируютъ или лучше сказать, редактируютъ ихъ, подыскивая для нихъ надлежащее выраженіе въ разработанныхъ теоретическою

мыслью программахъ, формулахъ и планахъ. Если партія соціаль-демократовъ выставила въ качествѣ требованія подлежащаго немедленному осуществленію, 8-ми часовой рабочей день, то вѣдь это рабочіе, двинувшіеся гораздо дальше, чѣмъ могла рассчитывать партія, побудили ее перенести на сегодня многое изъ того, что откладывалось до завтра. Не партія социалистовъ-революціонеровъ навязала аграрному движенію „соціализацію земли“, а возставшее крестьянство очень опредѣленно дало понять, что оно поднимается не съ цѣлью торговаться изъ-за „отрѣзковъ“,—и побудило партію искать формулу, достаточно широкую, чтобы выразить требованія крестьянства. Не партіи „приказали“ возстанія Московское, Севастопольское, Ростовское-на-Дону и проч.,— скорѣе можно сказать, что партіи не рѣшились использовать эти возстанія!..

Если годъ тому назадъ казалось, что верхи общества затѣваютъ революцію, тревожно спрашивая себя: поддержать ли насъ народныя массы?—то въ настоящее время народныя массы, взявшія дѣло революціи въ свои руки, могли бы спросить себя: далеко ли пойдутъ за ними верхи общества, если-бъ... если-бъ нужно было объ этомъ спрашивать. Верхи общества спѣшно организуются въ противу-революціонный союзъ.

Этой реакціонной силѣ противустоитъ теперь революціонный народъ, отъ котораго и исходитъ импульсъ дальнѣйшаго движенія. Это перемѣщеніе движущей силы революціи сверху внизъ—важнѣйшее и характернѣйшее событіе минувшаго года.

Народъ не остановится. Ему нужна справедливость, а не конституція, какъ таковая. Убѣдившись, что политическія реформы, учредительное собраніе, какой угодно конституціонный или республиканскій строй по-прежнему оставляютъ его въ положеніи вьючнаго скота,—онъ пойдетъ дальше, требуя осуществленія того порядка, который, какъ теперь выяснено, можетъ вывести его изъ этого положенія.

Логика внутренняго, психическаго процесса, лежащаго въ основѣ великой революціи, сама по себѣ должна привести къ этому; а внѣшнимъ стимуломъ огромной силы явится неизбежное при всякой революціи ухудшеніе матеріальнаго положенія страны. Подъемъ матеріальнаго благосостоянія, являющійся результатомъ преобразования общественныхъ отношеній, наступаетъ послѣ революціи (во Франціи, напр., онъ обнаружился только ко временамъ реставраціи), но пока революція совершается, разореніе неизбежно. Государственное банкротство, разстройство промышленности, словомъ дезорганизація хозяйства страны—это только одно изъ внѣшнихъ проявленій революціи; и кто говоритъ „революція“, тотъ говоритъ „хозяйственная дезорганизація“. Это должно быть понятно всякому кадету, нужно быть „кадетомъ“, чтобы не понимать этого! Народу предоставляется выборъ: или гнить въ безнадежно-гнусномъ состояніи или итти къ правдѣ и справедливости *per aspera ad astra*, претерпѣть временное разореніе ради новаго устройства. Бываютъ моменты, когда народъ рѣшается на послѣднее, и въ этихъ случаяхъ, какъ показываетъ исторія великихъ революцій, энтузіазмъ народныхъ массъ—несокрушимъ: его не въ силахъ сломить никакое разореніе, нищета, бѣдствіе. Но тотъ же энтузіазмъ, который помогаетъ ему выдерживать величайшія испытанія, побуждаетъ его не останавливаться въ своихъ требованіяхъ, пока не исчерпано все.

И у насъ, когда пролетаріатъ *) убѣдится, что никакія политическія реформы, никакое фабричное законодательство, ни даже 8-часовой рабочій день, если онъ будетъ введенъ, не уменьшитъ нищеты, разоренія, безработицы, не водворитъ справедливости, — онъ скажетъ себѣ: „Да чего же мы ждемъ? зачѣмъ колеблемся? отчего не рѣшаемся? Возьмемъ дѣло въ свои руки, станемъ хозяевами производства,

*) Я лично думаю, что социализація производства начнется по инициативѣ пролетаріата, а не крестьянства.

будемъ вести его сами, за свой счетъ и страхъ! Перестроимъ его заново, водворимъ, наконецъ, тотъ порядокъ, о которомъ говорятъ намъ социалисты, какъ о возможномъ и осуществимомъ, только просятъ не вводить его теперь: „Вы, де, рабочіе, еще не доросли до него“. Посмотримъ—доросли мы или не доросли, можемъ или не можемъ!..

„Если намъ не удастся, если дѣло не пойдетъ въ нашихъ рукахъ, если придется возстановить капиталистическій порядокъ,—то мы будемъ знать, по крайней мѣрѣ, что сдѣлали все, что могли, для себя, для своихъ дѣтей, для грядущихъ поколѣній, для счастья человѣчества... Мы будемъ знать, что не оттолкнули того, что само давалось въ руки, не прозѣвали случая, какіе представляются въ сотни лѣтъ, не остановились, по собственному малодушію, на рубежѣ обѣтованной земли, когда никакая внѣшняя сила не препятствовала намъ войти въ нее!“

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ революціоннаго процесса долженъ наступить моментъ, когда эта мысль явится; а разъ она явится, то съ молніеносной быстротой облетитъ всю Россію. Партіямъ и вожакамъ останется только, опираясь на свои знанія, помочь пролетаріату организовать новое общество. Отмѣна частной собственности на землю и орудія производства, переходъ фабрикъ, заводовъ, общественныхъ сооружений во владѣніе народа, организація рабочихъ въ огромный союзъ производительныхъ ассоціацій, новая организація обмѣна, новая организація производства... весь этотъ рядъ послѣдовательныхъ актовъ, въ общихъ чертахъ намѣченныхъ и разработанныхъ современной литературой,—потребуетъ, разумѣется, огромной работы, научной, статистической и т. д., и не мѣшало бы готовиться къ этой работѣ теперь же, составляя планъ техническаго осуществленія новой общественной организаціи.

Но если этотъ социальный опытъ—опытъ организаціи новаго, социалистическаго общества — неизбеженъ, потому что народъ въ свое время потребуетъ и осуществитъ его,—

те имѣть ли онъ шансы на успѣхъ или заранѣе осужденъ на неудачу? Будетъ ли онъ началомъ новой эры въ существованіи человѣчества или только новымъ, горькимъ разочарованіемъ?

Кто на словахъ признаетъ осуществимость социалистическаго общества, а въ глубинѣ души считаетъ социализмъ химерой, не осуществимой ни теперь, ни послѣ, никогда;— тотъ не затруднится рѣшить этотъ вопросъ въ отрицательную сторону.

Но съ точки зрѣнія того, кто считаетъ социалистическую организацію возможной, осуществимой и неизбежной, — нельзя указать неодолимыхъ препятствій къ ея немедленному осуществленію.

Самое серьезное возраженіе формулируется такъ: данный типъ экономическихъ отношеній долженъ совершить полный циклъ своего развитія, дойти до конца, до своего крайняго и послѣдняго выраженія, изжить самого себя — и только тогда онъ можетъ смѣниться новымъ.

Не говоря уже о совершенной произвольности и фантастичности понятій, лежащихъ въ основѣ этого представленія, — соответствуетъ ли оно исторической дѣйствительности? Возьмемъ новое политическое общество. Мы видимъ, что въ Англіи оно организуется уже въ XIII столѣтіи, когда старый феодальный режимъ еще оставался въ полной силѣ. Разъ организовавшись, ядро этого новаго политическаго общества оказывается сильнѣе, прочнѣе, живучѣе стараго; — оно шагъ за шагомъ разрушаетъ его, поглощаетъ и ассимилируетъ его распадающія ткани и органы.

Во Франціи, наоборотъ, старый порядокъ изжилъ себя уже ко времени Людовика XIV, и тѣмъ не менѣе существовалъ еще сотню лѣтъ; пока, наконецъ, организовалось новое политическое общество.

Новый порядокъ, какъ видно изъ этого примѣра, можетъ организоваться гораздо раньше и гораздо позже того момента, когда старый „изжилъ себя до конца“.

Безспорно, новый порядокъ долженъ быть приготовленъ старымъ. Новая экономическая организація должна быть подготовлена предыдущимъ экономическимъ развитіемъ. Но это условіе уже налицо для социалистической организаціи во всѣхъ капиталистическихъ обществахъ, на какой бы стадіи развитія они не находились. Это условіе налицо въ Америкѣ, въ Англіи, въ Германіи, въ Россіи — въ этомъ отношеніи всѣ эти страны подготовлены къ социалистическому строю. Всѣ они содержатъ элементы новаго социалистическаго общества, такъ какъ во всѣхъ налицо два условія, необходимыя для его осуществленія:

1) объединеніе рабочихъ на большихъ фабрикахъ и заводахъ, что дѣлаетъ возможной и неизбежной производительную ассоціацію, и 2) зависимость каждой фабрики, каждого отдѣльнаго производства, каждого отдѣльнаго хозяйства отъ общихъ условій рынка, что дѣлаетъ возможной и неизбежной организацію производства для единой цѣли.

Этихъ условій не было, напр., въ средневѣковомъ экономическомъ режимѣ безчисленныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ, тысячъ самодовлѣющихъ, обособленныхъ, замкнутыхъ хозяйственныхъ мірковъ. Ихъ должна была создать буржуазная организація (точнѣе буржуазная дезорганизація) общества, *и она ихъ создала*: теперь они вездѣ налицо. А „больше“ или „меньше“, „дальше“ или „ближе“, — словомъ, степень развитія этихъ элементовъ — не имѣетъ существеннаго значенія; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого основанія придавать ей существенное значеніе. Разъ элементы новаго общества налицо — оно можетъ организоваться; а разъ организовавшись, оно, въ силу своего внутренняго превосходства, ассимилируетъ остатки стараго.

Да вѣдь и буржуазный строй не разомъ смѣнилъ натуральное хозяйство, а зародился и организовался въ его нѣдрахъ.

Итакъ, экономическія условія въ достаточной мѣрѣ подготовили организацію новаго, социалистическаго общества, но этого мало.

Идея новаго общества, планъ его организаціи въ общихъ чертахъ должны выясниться, прежде чѣмъ эта организація станетъ осуществимой. Въ началѣ XIX столѣтія элементы новаго общества уже существовали, но планъ его былъ совершенно неясенъ, и потому всякая попытка къ его осуществленію должна была кончатся неудачей, такъ какъ, если даже „идеи являются только посредниками въ дѣлѣ общественнаго прогресса“ (Каутскій), то посредники-то эти безусловно необходимы для того, чтобы общественный прогрессъ могъ осуществиться.

Но утопическій социализмъ давно уже смѣнился научной критикой капиталистическаго строя, которая разъяснила механизмъ эксплуатаціи въ современномъ обществѣ и показала, какимъ механизмомъ надо его замѣнить, чтобы эксплуатаціи не было. Вооруженная этимъ знаніемъ, современная революція можетъ идти увѣренно, не тратя времени и силъ на безплодныя попытки и ненужные опыты. И врядъ ли дальнѣйшее развитіе науки принесетъ еще что-нибудь существенное въ этомъ отношеніи. Черезъ сто лѣтъ—если въ теченіе этого времени не совершится социальная революція,—мы будемъ столько же знать объ организаціи новаго, социалистическаго общества, сколько знаемъ теперь. Дѣло въ томъ, что детальная техническая разработка плана новаго общества, сообразно экономическому состоянію данной страны, возможна только въ самый моментъ революціи. Разработка этого плана въ отношеніи Россіи была бы очень полезна теперь, въ виду очевидной близости рѣшительнаго момента; но допустимъ, какъ и думаютъ нѣкоторые, что у насъ не великая революція, а только легкое, переходящее броженіе, и что, слѣдовательно, социальный переворотъ откладывается на Богъ вѣсть какой дальній срокъ,—въ такомъ случаѣ нынѣ составленный планъ потеряетъ всякое значеніе и въ моментъ наступленія социальной революціи придется составлять совершенно новый. Заблаговременно планъ новаго общества можетъ быть составленъ и ходъ

преобразованія намѣченъ только въ *общихъ чертахъ*: могутъ быть указаны лишь принципы новаго устройства,—но это уже сдѣлано, а стало быть, и въ этомъ отношеніи социальная революція достаточно подготовлена.

Но и этого мало. Объективныя, экономическія условія богутъ быть готовы для наступленія новаго строя, планъ новаго строя можетъ быть ясенъ, и все-таки онъ не наступитъ, если нѣтъ третьяго условія,—субъективнаго момента, того особеннаго психическаго состоянія націи, которое выражается революціоннымъ энтузіазмомъ, рѣшимостью покончить съ прежнимъ существованіемъ, чего бы это ни стоило, и чать новую жизнь.

Мы не знаемъ, какія причины обуславливаютъ наступленіе этого субъективнаго момента. Мы не знаемъ, почему великая французская революція совершилась между 1789 и 1794 г., или великая англійская революція между 1642 и 1653 г., а не раньше или не позже. Мы знаемъ только, что такіе моменты наступаютъ крайне рѣдко, далеко не въ каждое столѣтіе, въ исторіи народовъ.

Это третье условіе такъ же необходимо, какъ первыя два. Буржуазное общество—чудовище народныхъ сказокъ, въ которомъ скрывается очарованный принцъ; чтобы разрушить чары и освободить прекраснаго принца—соціалистическое общество,—нужно произнести волшебное слово. Этимъ словомъ, революціоннымъ энтузіазмомъ, доходящимъ до степени религіознаго экстаза, обладаетъ Россія. Въ ней мы находимъ совпаденіе всѣхъ трехъ условій, необходимыхъ для осуществленія социальнаго переворота, тогда какъ въ западно-европейскихъ странахъ на лицо только два: переворотъ подготовленъ экономическими условіями, онъ подготовленъ теоретической работой мысли, но нѣтъ того субъективнаго, психическаго момента, революціоннаго энтузіазма, который есть въ Россіи. И вотъ почему изъ всѣхъ современныхъ странъ только Россія дѣйствительно подготовлена къ социальной революціи, только она, несмотря на

всю свою азіатчину, ужасающую отсталость, Батыевскіе порядки,—несмотря на все это, только она может явиться инициаторомъ новой эры въ существованіи человѣчества! Можетъ... но это уже есть, это уже на лицо: современное движеніе въ Австріи, Германіи, Англіи является отголоскомъ русскихъ событій! Unglaublich, aber wahr: Россія подаетъ сигналъ Западной Европѣ, и западно-европейскія страны повинуются этому сигналу и примыкаютъ къ русскому революціонному движенію... Фактъ налицо; и этотъ фактъ можно присоединить къ тѣмъ признакамъ великой революціи, которые перечислялись выше. Ужъ если движеніе отсталой страны такъ дѣйствуетъ на всѣ передовыя страны, то, видно, это движеніе — дѣйствительно великая революція.

Но этотъ фактъ не такъ удивителенъ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Развѣ Франція конца XVIII столѣтія не была поразительно отсталой страной по своему политическому режиму, гражданскому устройству, нравамъ и поведеніямъ правительства, произволу администраціи, хозяйственному упадку и разоренію... Не говоря уже объ Англіи, прусское „Polizeistaat“ того времени было гораздо выше Франціи во всѣхъ перечисленныхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе Франція явилась инициаторомъ политическаго обновленія Европы, а Пруссія и до сихъ поръ не раздѣлялась съ абсолютизмомъ и феодальными пережитками.

Я считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ объ этомъ третьемъ, психическомъ моментѣ—революціонномъ состояніи націи. Теперь, черезъ сто лѣтъ, когда угодно, на какой угодно стадіи развитія капиталистическаго общества,—оно будетъ одинаково необходимо для перехода къ новому строю. Представимъ себѣ фантастическую картину развившагося до послѣднихъ предѣловъ капиталистическаго строя, которую рисуютъ нѣкоторые социалисты, какъ необходимую предпосылку „Zusammenbruch“’а. Вся нація состоитъ изъ пролетаріевъ, сгруппированныхъ въ крупныхъ

промышленныхъ, торговыхъ и сельско-хозяйственныхъ предприятий, которыя объединены въ одинъ колоссальный синдикатъ, находящійся въ рукахъ одного капиталиста, какого-нибудь „сверхъ-Рокфеллера“. Сверхъ-Рокфеллера берутъ за шиворотъ, прячутъ въ карманъ, становятся сами хозяевами дѣла; и все кончено: новое общество готово безъ всякихъ потрясеній, безъ всякаго безпокойства...

Но вѣдь это наивность. Даже при такомъ состояніи общества, которое рисуетъ эта фантазія—новое общество неосуществимо безъ страшнаго потрясенія. Убрать сверхъ-Рокфеллера и объявить промышленныя предприятия производительными ассоціаціями нетрудно, но это лишь первый шагъ, исходный пунктъ, за которымъ должны тутъ же непосредственно послѣдовать; новая организація обмѣна, то есть, устраненіе торговли, превращеніе товара въ продуктъ потребленія, денегъ въ современномъ смыслѣ слова—„растущихъ“, приносящихъ процентъ—въ простые мѣновые знаки; далѣе, новая организація производства въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей населенія, а не полученія барыша, связанная съ уничтоженіемъ цѣлыхъ отраслей производства и хозяйства, и замѣной ихъ новыми; и наконецъ новая организація потребленія. Вѣдь судя ^{то} ~~то~~ ^{то} новаго общества—уничтоженіе товарнаго хозяйства, что ставитъ всему производству и обмѣну совершенно иную цѣль, чѣмъ нынѣ. А ко всѣмъ этимъ превращеніямъ должны приспособиться формы государственныя и бытовыя.

Такая трансформація неизбежно связана съ временнымъ кавардакомъ, разстройствомъ всѣхъ хозяйственныхъ отношеній; и чѣмъ развитѣе будетъ капиталистическій порядокъ,—тѣмъ сильнѣе окажется этотъ кавардакъ. И вотъ, для того, чтобы рѣшиться на это временное разстройство хозяйственныхъ отношеній и претерпѣть связанныя съ нимъ временныя разореніе, нищету и бѣдствія,—нуженъ ли передъ чѣмъ не отступающій и все выносящій „религіозный“ энтузіазмъ великой революціи.

Онъ нуженъ еще и потому, что буржуазный порядокъ воспитываетъ въ націи буржуазныя чувства и стремленія, идущія въ разрѣзъ съ новымъ строемъ. Часто говорятъ о необходимости воспитать рабочихъ для новаго строя, но именно этого воспитанія буржуазное общество не даетъ. Тутъ не помогаютъ организаціи въ родѣ профессиональных союзовъ, разныхъ коопераций и т. п., такъ какъ всѣ онѣ, дѣйствуя въ капиталистическомъ обществѣ, неминуемо осуждены работать въ капиталистическомъ духѣ, ставя своей цѣлью неразмѣнный червонецъ. Эта мечта о неразмѣнномъ червонцѣ отравляетъ и душу пролетарія. А ея то, мечты этой, и не должно быть въ новомъ обществѣ!.. *).

Мы знаемъ и видимъ въ современной Россіи, какимъ страшнымъ ядомъ оказывается для человѣка собственность! Мы видимъ, какъ „добрѣйшіе“, „либеральнѣйшіе“ и прочіе люди, „священное право собственности“ которыхъ затронуто изголодавшимися крестьянами, съ остервенѣніемъ требуютъ нагаекъ и пулеметовъ... А такъ какъ современные кооперации, профессиональные союзы и проч. въ конечномъ результатѣ ведутъ къ образованію „сбереженій“ у рабочихъ, то психическое воспитаніе, даваемое этими организаціями, является весьма сомнительнымъ.

Но тутъ-то и является на помощь революціонный энтузіазмъ. Онъ освобождаетъ людей отъ вліянія существующаго режима, очищаетъ ихъ, помогаетъ имъ сбросить съ себя ветхаго человѣка и осуществить новый строй. А разъ осуществленный, новый строй уже начинаетъ воспитывать

*) Я не касаюсь вопроса объ объединеніи пролетаріата всѣхъ странъ въ одну организацію, такъ какъ если социальная революція будетъ всемірной, то и организація эта осуществится въ теченіе самого процесса революціи. Но я не знаю достаточно серьезныхъ аргументовъ, которые доказывали бы невозможность, неосуществимость социалистической организаціи въ отдѣльной странѣ, хотя бы другія и не послѣдовали ея примѣру.

въ людяхъ новыя чувства и стремленія, преобразуетъ ихъ міросозерцаніе.

Итакъ, я не вижу неодолимыхъ препятствій къ осуществленію новаго, социалистическаго общества, и думаю, что теперь оно въ любой европейской странѣ подготовлено матеріально и идѣйно: развитіемъ экономическихъ отношеній и научной разработкой идеи новаго общества.

Недостаетъ только революціоннаго подъема, „безумія“ — какъ выражается г. Струве и ему подобные — безумія великихъ революцій, но въ Россіи и онъ налицо.

И именно потому, что онъ налицо, Россія не избѣжитъ этого опыта, — хотя бы вы считали его преждевременнымъ и нежелательнымъ.

Если ужъ въ прошлые моменты великихъ переворотовъ, когда социалистическая идея существовала лишь въ видѣ грезы немногихъ мечтателей, дѣлались попытки къ ея воплощенію въ реальныя формы, — то мыслимо ли, чтобы такой попытки не было сдѣлано теперь, когда эта идея буквально носится въ воздухѣ, когда къ ней пришла наука, когда и сторонники и противники социализма способствуютъ ея распространенію и популяризації? Великая революція нашего времени, которая не попытается осуществить задачу нашего времени, — это абсурдъ, съ которымъ не мирится умъ!

Итакъ слѣдуетъ теперь же выработать планъ техническаго осуществленія новаго общества во всѣхъ деталяхъ въ связи съ нашимъ экономическимъ состояніемъ.

Я пишу эти строки въ моментъ неопредѣленнаго состоянія, какого то „ни тпру, ни ну“, когда многимъ уже кажется, что русская революція раздавлена, что и революціи никакой не было, а было только вспышка, игрушечный фейерверкъ, понапрасну испугавшій правительство и обнадежившій крайнія партіи. Нѣтъ революціи, — можно попрежнему и пуще прежняго давить русскій народъ, драть его казацкими нагайками, топтать полицейскими сапогами, кормить зуботы-

чинами, оплевывать, дразнить, унижать, топтать „мордой“ въ грязи!..

Понятно, что я исхожу не изъ этой точки зрѣнія. Революція теперь—сильнѣе, чѣмъ когда либо, и къ ея усиленію служить все: звѣрства и надругательства правительства, измѣна либеральныхъ свахъ, вопіющихъ о „безуміи“ революціи, устраненіе нашихъ двусмысленныхъ союзовъ, распушеніе Думы, вносившей умиротворяющее, сдерживающее начало въ настроеніе народа, убаюкивавшей населеніе ложными надеждами... все это лишь обостряетъ революціонный процессъ и помогаетъ ему опредѣлиться, какъ возстанію націи для водворенія новаго режима правды, справедливости и общаго благосостоянія. Я не сомнѣваюсь, словомъ, въ томъ, что Россія переживаетъ не революціонную вспышку, а великую революцію. Результатомъ же великой революціи, какъ я старался доказать въ этой статьѣ, должна явиться попытка основанія новаго, соціалистическаго общества.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ NOW ПРИНЦИПЫ ТРУДОВ

Е Та-гина (Максим—

(Книга посвящается памяти Т. Л. и
И. Л. Лаврова).

Предисловіе

I. Человѣкъ и среда. Борьба за индивидуальность; естественныя и социальныя условия, влияющія на развитие человѣческой личности; социализмъ, какъ гарантія человѣческой личности; показатели прогресса (ростъ солидарности, ростъ и демократизация знанія и, какъ частное выраженіе, ростъ производительности труда); почему прогрессъ не можетъ быть выведенъ изъ теории роста производительныхъ силъ; процессъ и прогрессъ.

II. Способы и общественныя формы эксплуатаціи. Борьба интересовъ; сущность эксплуатаціи; психологическое объясненіе ея происхожденія; моральная санкція эксплуатаціи; измѣненіе способовъ эксплуатаціи въ зависимости отъ наработанія знанія и производительности труда; физическое порабощеніе; монополія на знаніе, на общественныя службы, на землю, на капиталъ; насилие, какъ основа всякой эксплуатаціи; общественныя формы различныхъ способовъ эксплуатаціи; ихъ сущность; ростъ социального неравенства, какъ условие, неблагоприятное для борьбы за освобожденіе порабощеннаго класса.

III. Классовая структура общества и классовая борьба. Отношеніе къ труду, какъ основа дѣленія общества на классы; эксплуатація одного народа другимъ; интересы человѣческой личности — интересы трудовой личности — интересы трудового класса; социализмъ, какъ воплощеніе этихъ интересовъ; трудовой классъ, какъ борьба за него; социализмъ, какъ кооперация простого и сложнаго сотрудничества; профессиональныя и основныя условия труда, крестьяне и рабочіе; и lumpenproletariat, прислуга, мелкая буржуазія — ихъ отношеніе къ социализму; побочныя условия классовой борьбы; классъ эксплуататоровъ: группы аграріевъ, капиталистовъ, финансистовъ, бюрократія, духовенство; процессъ развитія классовой и групповой борьбы.

IV. Цѣль и средства. Резюме предыдущаго; сознаніе и воля, какъ условіе побѣдоносной борьбы; количество и качество силъ, развиваемой активной борьбой; цѣли борьбы; программа — minimum и программа — maximum; прогр. — maximum и революція; прогр. min. и революція, два типа прогр. min.; парламентъ; прогр. min. п. с. р. социальная фабрика и заводовъ; принципы тактики и организаци.

V. Аграрный вопросъ. Введеніе. Соціализация земель и с. х. пр-ва; возраженія с. д.; какъ выростъ агр. вопросъ; программа Маслова, муниципализация, национализация; дифференціация и неправильность земской статистической методологіи; кооперация; обобществленіе земельной ренты съ точки зрѣнія чисто капиталистической.

Цѣна 30 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАВАНІЯ: С.-Петербургъ, книжн. магаз. „Трудъ“, Невскій, 60.

Москва: книжн. магаз. „Разсвѣтъ“, Арбатъ.

„ „ „Трудъ“, Тверская, 38.